

Клуб «ЗЫБЧАНЕ» представляет: ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

ПУТЕШЕСТВИЕ НА БАЙКАЛ

Раиса Шатоба, путешественник со стажем, вместе с мужем Иваном объездили европейскую часть России, Урал, Алтай оригинальным способом – на электричках.

Как мы уезжали

Был конец июля. До вечернего пригородного поезда минут 40. Позвонил Иван и сообщил, что не успеет, если я за ним не заеду. Подъехав к дому на такси, я не увидела Ивана, ждущего с вещами. На звонки по телефону, стук в окно долго никто не реагировал. Наконец Иван, одетый почему-то в огородную робу, открыл калитку. Я робко спросила, не помочь ли ему собираться. Онрыкнул, сгноя меня с пути, вынося огромное мусорное ведро, и я ушла, удрученная, сидеть в машине. Нервничала. Таксист успокаивал, говоря, что до поезда еще 15 минут. Позвонил Иван и прокричал, что не успеет, еще много дел. Я бросала в пакеты сыр, рыбу, вареные яйца, даже сырое мясо.

Еле подняла бочкообразную сумицу, выволокла на улицу. Взвалила на дорожную тачку, отвезла в такси. Вернувшись в дом, продолжала что-то паковать и грузить. Выехали мы за три минуты до отправления поезда. Я просила таксиста отвезти нас назад домой, но он молча гнал машину к вокзалу. Поезд с закрытыми вагонами готов был тронуться. Машинист увидел меня, бегущую с рюкзаком и отчаянно машущую руками. Я жестами показывала на вещи у такси. Машинист пробубнил, что, мол, могла бы все взять, но он не видел это «всё». Нас грузила вся бригада поезда с машинистом во главе. Он спросил у Ивана разрешения погрузить главную сумку, но, схватив её, громко матюгнулся, закидывая её в тамбур. Я оглянулась: Иван вез мою сумку на колесиках, машинист нес его рюкзак, за ним шла контролерша, прижимая к груди пакет с перевязанными ручками, замыкал процессию таксист с кробкой в руках.

До Унечи мы с трудом приходили в себя, пили воду, валерьянку и снова воду. В Унече, безуспешно поискав место под палатку, решили в конце платформы зажечь туристическую плитку, чтобы сварить мясо. До места привала я добралась с огромным трудом. То, что грузилось в такси в несколько заходов, нужно было тащить одновременно. И, хотя мы впервые ехали с палаткой, спальниками и котелками, это было непростительно для людей с нашим стажем путешествий. Я твердо решила возвращаться. С сожалением, но без сомнения на рассвете я проводила взглядом наш поезд в Брянск. Поспав немножко, поехали домой. Не знаю, что на меня подействовало, но свежим солнечным утром перспектива будущего путешествия уже не казалась такой безнадежной, при условии, что дома мы наши вещи отловили. Так и было сделано: безжалостно все отбрасывалось до того, что даже полтюбика зубной пасты было выдавлено в унитаз. Приняли душ, поели, сели в такси и теперь уже окончательно двинули вперед навстречу неизвестности.

Дорожные будни

Спешили скорее в Заволжье, где, по прогнозам, станет прохладнее. Пригородное сообщение сильно сокращено, приходилось больше рассчитывать на пассажирское и автобусное. Это создавало лишние трудности: электрички для нас бесплатны и в них не жарко. Но чевали в залах ожидания вокзалов, реже — в комнатах отдыха. Палатку, на которую рассчитывали, таскали без дела. Найти подходящее место было непросто — не на газоне же у вокзала ставить. Зато плитка здорово нас выручала. Варили суп, кипятили воду, заваривали овсянку, гречку в термосе. По Сибири пригородное сообщение гораздо лучше, скорость электричек больше, остановок меньше. И еще такая приятная забота: библиотека на колесах. Пассажир может взять с собой книгу, оставил взамен свою.

С Челябинска стали меняться часовые пояса. Иногда мы вовремя «схватывали» разницу и счастливо уезжали раньше, чем рассчитывали, а иногда, например, как в Ботоголе, выславшись в комнате отдыха, мы узнали, что электричка ушла.

Енисей, Виктор Астафьев и красноярские «Столбы»

Остановка в Красноярске была запланирована. Через Дивногорск, где мы впервые рискнули разбить палатку в каком-то дворе, мы вернулись назад в поселок Овсянка. Вот указатель «Музейный комплекс В. Астафьева». Незабываемые минуты счастья достижения цели. Такое же ощущение счастья будет, когда я буду видеть перед собой соровую красоту Енисея. В понедельник музей был закрыт, и мы сутки отдыхали на берегу в палатке. Широкий, как Обь или Волга, Енисей уже набрал силу, хотя еще не дошел до середины своего пути. Придя на берег, мы невольно поклонились: «Здравствуй, Енисей-батюшка!» За эти сутки мы видели его в разную погоду, поэтому и он был разный. В солнечную хорошо видны голые красно-бурые скалы на противоположном берегу. Выше скал — поросшие лесом горы. Но скоро вокруг образовались грудастые темные тучи. Запахло дождем, река притихла. Ударил гром, начался ливень. Вода помутнела, за стеной дождя громко шумел поток воды, водопадом падающий с гор. После дождя Енисей укрылся белым густым туманом. А когда стало светлее, вода в нем была разного цвета. Быстрые потоки белого цвета омывали вовороты серого. После дождя по характеру Енисей был, мрачным и притихшим, страшноватым и все равно великолепным.

На следующий день мы были в музее Виктора Астафьева. Экскурсию провела женщина по имени Евдокия из старообрядцев. Дом бабушки Екатерины — музей повести «Последний поклон», музей уходящей деревенской жизни. Дом самого Виктора Астафьева наискосок, в два оконца, простой. Он жил здесь последние 20 лет, чаще летом. В кабинете писателя — стол и тут же кровать под лоскутным одеялом. Мебель простая, деревянная. Одежда на вешалке — вдавшая виды: халат, куртки, а также вешемшок. После музея побывали в библиотеке, построенной с участием Астафьева. Такой сельской библиотеки, похожей на храм, больше нет нигде. Я давно хотела ее увидеть. Эта библиотека — музей писателя. Об экскурсии рассказал сложно. Приведу лишь пожелание Астафьева библиотекарям — «чтобы они проясняли одинавший русский разум». Писатель знал, о чем говорил... Похоронен Виктор Петрович на местном кладбище, но помня, что он не хотел чтобы посещали его могилу, мы туда не пошли. Я дала себе слово прочесть всего Астафьева.

На третий день мы отправились в заповедник «Красноярские столбы». Это место, где вырвавшаяся из недр земли магма застыла каменными изваяниями скал среди горной тайги. Столбы, их более 50, имеют свои названия: слоник, дед, перья и другие. Мы дружно ахали от внезапно открывшихся красот, восхищались сколозами, которые, зная только им известные «хитрушки», ловко взирали на наверх.

О реке Лене, о хорошем и грустном

В десятых числах августа были в городе Усть-Кут. Мы, конечно, остановились здесь. Еще не широкая, скорее Леночка, а не Лена, но уже судоходная.

Мы проехали по Сибири не одну тысячу верст... Пока мы не были на Байкале, однозначно, восхищал больше всего Алтай. Там еще сохранена первозданная природа, тайга не вырублена, обочины дорог чистые. Ближе к северному Байкалу, к Байкало-Ленскому заповеднику, тайга тоже сохранилась, но часто видишь вместо тайги пожарища, стыдливо украшенные кипреем, или неделовой лес. Из местных газет понятно, что обрабатывается только часть земель, наиболее плодородная. Население Сибири живет без природного газа.

Северный Байкал

Мы продолжали ехать по Баму дальше. Северобайкальск — маленький чистый городок. Туристический сезон закончился, но погода первое время была хорошая. Днем гуляли по городу, бродили по берегу Байкала. Проголодавшие, шли на рынок и покупали омуль. Там его много разного: сырого, вяленого, копченого. Ближе к вечеру с палаткой, котелками, плиткой отправлялись за город, в сторону Нижнеангарска. Байкал пресный, но это море! Бескрайнее, с волнами, пенистым прибоем, морским запахом. В хорошую погоду тихо плачет, в ветреную бьется в берег, в бурю обрушивается с ревом волны с ключами пены и водорослей. Это море в ожерелье гор, скал, тайги. В один из дней съездили в Нижнеангарск — это не город, а скорее большое село с рыбзаводом. Правда, рыба уже не продавалась из-за приближающегося нереста. Мы решили ехать в село Байкальское а далее — к мысу Лударь, где расположился детский православный лагерь. Через час пути на автобусе, приехали в село Байкальское с добрыми деревянными домами, церковью на берегу. После села прошли больше километра. Дорога то спускалась вниз, то поднималась в гору. Было жарко, вешилось много. Мы бредли с остановками уже второй час, пока не увидели берег, но православного лагеря все не было. Когда тропа стала труднопроходимой, мой вер-

ный товарищ двинулся один. Вскоре он вернулся и шепотом сказал, что тропа упирается в таинственную черную скалу, обрывающуюся в Байкал. И в скале — пещеры. Не возвращаться же назад! Да и берег красоты необыкновенной. Представьте, небольшая бухта, слева пологая рыхлая гора, украшенная зелеными ёлочками. Через какое-то время из приехавшей машины вышли люди с детьми. Мы разговорились, и я пошла с ними посмотреть скалу. Скала, действительно, черная, в ней несколько пещерок. Люди эти, к сожалению, не собирались оставаться здесь на ночь. Но к вечеру мы все же увидели палатку туристов, и это придало нам уверенности. Страхи же гнездились из-за предполагаемых медведей. Я даже оставляла на всякий случай возле палатки котелок с остатками еды. Думалось, что он забрякает посудой, мы услышим и убежим. Днем мы бродили по берегу, собирали грибы, Иван пытался ловить рыбу, но без лодки это было безуспешно. Нашли местных рыбаков, которые поначалу обещали продать нам рыбу, но потом, видимо, не решились из-за нереста. Я спросила про мыс Лударь. Оказалось, что мы на нем. Об этом говорится в указателе, который мы не заметили. Там рассказывается, что это сакральное место Байкала — гrot-святилище для жертвоприношений, которые делались для задабривания злых духов. Большая Лударская пещера, вход в которую сейчас был с воды, считалась входом в подземный мир. Было это в первом тысячелетии до нашей эры.

Позже, гуляя по окрестностям, мы обнаружили место, на котором стоял детский лагерь, но уже уехал. Вот и хорошо! Байкал принадлежал только нам!

В августе туристов пугают холодные ночи. Нас беспокоили ночные дожди, но, пока не закончилась еда, мы наслаждались уединением и красотой. А потом засобирались к отъезду. Провожали нас две собаки, приведшие от стада лошадей.

Обратная дорога

Со станции Лена мы доехали до Тайшета. Отправились на маршрутке на реку Бирюсю. Развлеклись, Иван пытался ловить рыбу. Днем на пассажирском поезде отправились в Абакан. Опять дорога, построенная комсомольцами: «Абакан — Тайшет». Дорога шла через Восточные Саяны. В Абакане побывали в национальном музее Хакасии, где много древних каменных изваяний, на скальных рисунках — петроглифов. На рынке купили знаменитых минусинских помидоров и далее на пригородных электричках через Новокузнецк приехали в Барнаул. С этим краем мы почти сроднились. Рубцовск. Автобусом до села Озерно-Кузнецово. Огородные культуры здесь выращиваются без химикатов, ведь колорадских жуков после морозов за 40 градусов почти не остается. Летом жара до 40 градусов, и фитофторы нет. Еще такая интересная подробность: куры здесь зимуют где бы вы думали? В землянке! Просторное помещение в земле, снаружи метровой вышины сруб под крышей.

На обратной дороге из Рубцовска поехали в Змеиногорск. Мы прикоснулись к истории в музее, который основан еще в 1827 году! Любопытно было побывать в башне змеиногорского рудника. В городке сохранились здания из красного кирпича начала 19 века. Снова Барнаул, Новосибирск. А вот самой лучшей станцией Сибири я бы назвала Каргат. Небольшое со вкусом оформленное здание вокзала. Недалеко от вокзала храм Ильи Пророка, построенный частным лицом. Доехав дальше до так называемой Зубовой поляны, на границе Мордовии и Рязанской области, мы почти сутки ехали до Сасова через ст. Пичкияево, до которой тащились пешком четыре километра от трассы. Москва, Сухиничи, Брянск и снова Унеча. Я посчитала, что из нее до Байкала мы сделали 26 пересадок! В своем родном Новозыбкове мы были 10 сентября, через 40 дней после отъезда.

Раиса ШАТОБА.